

М. КУЗМИН

**ФОРСЬ
РАЗШИВАЕТ
ЛЕД**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
В ЛЕНИНГРАДЕ**

陸

Ф О Р Е Л Ь Р А З Б И В А Е Т Л Е Д

М. Кузмин

Ф О Р Е Л Ь Р А З Б И В А Е Т
Л Е Д

С Т И Х И
1925 — 1928

1929

Издательство Писателей в Ленинграде

Ленинградский Областлит № 22025 Тираж 2000 экз. — 6 л. Заказ № 676

Гос. тип. имени Евгении Соколовой, Ленинград, пр. Красных Командиров, 29

А. Д. Радловой

Ф О Р Е Л Ь Р А З Б И В А Е Т Л Е Д

ПЕРВОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Ручей стал лаком до льда:
Зимнее небо учит.
Леденцовые цепи
Ломко брячат, как лютня.
Ударь, форель, проворней!
Тебе надоело ведь
Солнце аквамарином
И птиц скороходом — тень.
Чем круче сжимаешься —
Звук резче, возврат дружбы.
На льду стоит крестьянин.
Форель разбивает лед.

ВТОРОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Непрошенные гости
Сошлись ко мне на чай,
Тут, хочешь иль не хочешь,
С улыбкою встречай.

Глаза у них померкли
И пальцы словно воск,
И нищенски играет
По швам убогий лоск.

Забытые названья,
Небывшие слова...
От темных разговоров
Тупеет голова...

Художник утонувший
Топочет каблучком,
За ним гусарский мальчик
С простреленным виском...

А вы и не рождались
О, мистер Дориан, —
Зачем же так свободно
Садитесь на диван?

Ну, память — экономка
Воображенье — boy,
Не пропущу вам даром
Проделки я такой!

ПЕРВЫЙ УДАР

Стояли холода, и шел „Тристан“.
В оркестре пело раненое море,
Зеленый край за паром голубым,
Остановившееся дико сердце.
Никто не видел, как в театр вошла
И оказалась уж сидящей в ложе
Красавица, как полотно Брюлова.
Такие женщины живут в романах,
Встречаются они и на экране...
За них свершают кражи, преступления,
Подкарауливают их кареты
И отравляются на чердаках.
Теперь она внимательно и скромно
Следила за смертельной любовью,
Не поправляя алого платочка,
Что сполз у ней с жемчужного плеча,
Не замечая, что за ней упорно
Следят в театре многие бинокли...
Я не был с ней знаком, но все смотрел
На полумрак пустой, казалось, ложи...
Я был на спиритическом сеансе,
Хоть не люблю спиритов, и казался
Мне жалким медиум — забитый чех.
В широкое окно лился свободно
Голубоватый леденящий свет.
Луна как будто с севера светила:
Исландия, Гренландия и Тулэ,
Зеленый край за паром голубым...
И вот я помню: тело мне сковала
Какая-то дремота перед взрывом,
И ожидание, и отвращенье,
Последний стыд и полное блаженство...

А легкий стук внутри не прерывался,
Как будто рыба бьет хвостом о лед...
Я встал, шатаюсь, как слепой лунатик
Дошел до двери... Вдруг она открылась...
Из аванложи вышел человек
Лет двадцати, с зелеными глазами;
Меня он принял будто за другого,
Пожал мне руку и сказал: „покурим!“
Как сильно рыба двинула хвостом!
Безволие — преддверье высшей воли!
Последний стыд и полное блаженство!
Зеленый край за паром голубым!

ВТОРОЙ УДАР

Кони бьются, храпят в испуге,
Синей лентой обвиты дуги,
Волки, снег, бубенцы, пальба!
Что до страшной, как ночь, расплаты?
Разве дрогнут твои Карпаты?
В старом роге застынет мед?

Полость треплется, диво - птица;
Визг полозьев — „гайда, Марица!“
Стоп... бежит с фонарем гайдук...
Вот какое твое домовье:
Свет мадонны у изголовья
И подкова хранит порог,

Галереи, сугроб на крыше,
За шпалерой скребутся мыши,
Чепраки, кружева, ковры!

Тяжело от парадных спален!
А в камин целый лес навален,
Словно ладан шипит смола...

Отчего ж твои губы желты?
Сам не знаешь, на что пошел ты?
Тут о шутках, дружок, забудь!
Не богемских лесов вампиром —
Смертным братом пред целым миром
Ты назвался, так будь же брат!

А законы у нас в остроге,
Ах, привольны они и строги:
Кровь за кровь, за любовь любовь.
Мы берем и даем по чести,
Нам не надо кровавой мести:
От зарока развяжет бог,

Сам себя осуждает Каин...
Побледнел молодой хозяин,
Резанул по ладони вкось...
Тихо капает кровь в стаканы:
Знак обмена и знак охраны...
На конюшню ведут коней...

ТРЕТИЙ УДАР

Как недобитое крыло,
Висит модель: голландский ботик.
Оранжевое светло
В стекле подобных библиотек.

Вчерашняя езда и нож,
И клятвы в диком исступленьи
Пророчили мне где-то ложь,
Пародию на преступленье...

Узнать хотелось... Очень жаль...
Но мужественный вид комфорта
Доказывал мне, что локаль
Не для бесед такого сорта.

Вы только-что ушли, Шекспир
Открыт, дымится папироса...
„Сонеты!!“. Как несложен мир
Под мартовский напев вопроса!

Как тает снежное шитье,
Весенними гонясь лучами,
Так юношеское житье
Идет капризными путями!

ЧЕТВЕРТЫЙ УДАР

О, этот завтрак так похож
На оркестрованные дни,
Когда на каждый звук и мысль
Встает, любя, противовес:
Рожок с кларнетом говорит,
В объятьях арфы флейта спит,
Вещает траурный тромбон —
Покойникам приятен он.

О, этот завтрак так похож
На ярмарочных близнецов:
Один живот, а сердца два,
Две головы, одна спина...
Родились так, что просто срам,
И тайна непонятна нам.
Буквально вырази обмен, —
Базарный выйдет феномен.

Ты просыпался — я не сплю,
Мы два крыла — одна душа,
Мы две души — один творец,
Мы два творца — один венец...
Зачем же заперт чемодан
И взят на станции билет?
О, этот завтрак так похож
На подозрительную ложь!

ПЯТЫЙ УДАР

Мы этот май проводим как в деревне:
Спустили шторы, сняли пиджаки,
В переднюю бильярд перетащили
И половину дня стучим киями
От завтрака до чая. Ранний ужин,
Вставанье на заре, купанье, лень...
Раз вы уехали, казалось нужным
Мне жить, как подобает жить в разлуке:
Немного скучно и гигиенично.
Я даже не особенно ждал писем
И вздрогнул, увидавши штемпель: „Гринок“.
— Мы этот май проводим как в бреду,

Безумствует шиповник, море сине,
И Эллинор прекрасней, чем всегда!
Прости, мой друг, но если бы ты видел,
Как поутру она в цветник выходит
В голубовато-серой амазонке, —
Ты понял бы, что страсть — сильнее воли. —
Так вот она — зеленая страна! —
Кто выдумал, что мирные пейзажи
Не могут быть ареной катастроф?

ШЕСТОЙ УДАР /Баллада/

Ушел моряк, румян и рус,
За дальние моря.
Идут года, седеет ус,
Не ждет его семья.
Уж бабушка за упокой
Молилась каждый год,
А у невесты молодой
На сердце тяжкий лед,
Давно убрали со стола,
Собака гложет кость, —
Завыла, морду подняла . . .
А на пороге гость.
Стоит моряк, лет сорока.
— Кто тут хозяин? Эй!
Привез я весть издалека
Для мистрисс Анны Рэй.
— Какие вести скажешь нам?
Жених погиб давно! —
Он засучил рукав, а там
Родимое пятно.

— Я Эрвин Грин. Прошу встречать! —
Без чувств невеста — хлоп...
Отец заплакал, плачет мать,
Целует сына в лоб.
Везде звонят колокола
„Динг-донг“ среди равнин,
Венчаться Анна Рэй пошла,
А с нею Эрвин Грин.
С волынками проводят их,
Оставили вдвоем.
Она: — Хочу тебя, жених,
Спросить я вот о чем:
Объездил много ты сторон,
Пока жила одной, —
Не позабыл ли ты закон
Своей страны родной?
Я видела: не чтишь святынь,
Колен не преклонял,
Не отвечаешь ты „аминь“,
Когда поют хорал,
В святой воде не мочишь рук,
Садисься без креста, —
Уж не отвергся ли ты, друг,
Спасителя Христа? ..
— Ложись спокойно, Анна Рэй,
И вздора не мели!
Знать, не видала ты людей
Из северной земли.
Там светит всем зеленый свет
На небе, на земле,
Из-под воды выходит цвет
Как сердце на стебле,
И все ясней для смелых душ
Замерзшая звезда

А твой ли я жених и муж,
Смотри, смотри сюда! —
Она глядит и так и сяк, —
В себя ей не прийти...
Сорокалетний где моряк,
С которым жизнь вести
И благороден, и высок,
Морщин не отыскать,
Ресницы, брови и висок, —
Ну, глаз не оторвать!
Румянец нежный заиграл,
Зарделася щека, —
Таким никто ведь не видал
И в детстве моряка.
И волос тонок словно лен,
И губы горячей,
Чудесной силой наделен
Зеленый блеск очей...
И вспомнилось, как много лет...
Тут... в замке... на горе...
Скончался юный баронет
На утренней заре.
Цветочком в гробе он лежал,
И убивалась мать,
А голос Аннушке шептал:
„С таким бы вот поспать!“
И легкий треск, и синий звон,
И огоньки кругом,
Зеленый и холодный сон
Окутал спящий дом.
Она горит и слезы льет,
Молиться ей не в мочь.
А он стоит, ответа ждет...
Звенит тихонько ночь ..

— Быть может, душу я гублю,
Ты, может, — сатана:
Но я таким тебя люблю,
Твоя на смерть жена!

СЕДЬМОЙ УДАР

Неведомый купальщик
Купается тайком.
Он водит простодушно
Обиженным глазком.
Напрасно прикрываешь
Стыдливость наготы, —
Прохожим деревенским
Неинтересен ты.
Перекрестился мелко,
Нырнул с обрыва вниз...
А был бы ты умнее,
Так стал бы сам Нарцисс.
И мошки, и стрекозы,
И сельский солнцепек...
Ты в небо прямо смотришь
И от земли далек...
Намек? Воспоминанье?
Все тело под водой
Блестит и отликает
Зеленою слюдой.
Держи скорей налево
И наплывешь на мель!..
Серебряная бьется
Форель, форель, форель!..

ВОСЬМОЙ УДАР

На составные части разлагает
Кристалл лучи — и радуга видна,
И зайчики веселые живут.
Чтоб вновь родиться, надо умереть.
Я вышел на крыльцо; темнели розы
И пахли розовою плащаницей.
Закатное малиновое небо
Чертили ласточки, и пруд блестел.
Вдали пылило стадо. Вдруг я вижу:
Автомобиль несется как стрела
(Для здешних мест редчайшее явление)
И развеивается зеленый плащ.
Я не успел еще сообразить,
Как уж смотрел в зеленые глаза,
И руку жали мне другие руки,
И пыльное усталое лицо
Попрежнему до боли было мило.
— Вот я пришел... Не в силах... Погибаю.
Наш ангел превращений отлетел.
Еще немного — я совсем ослепну,
И станет роза розой, небо небом,
И больше ничего! Тогда я, прах,
И возвращаюсь в прах! Во мне иссякли
Кровь, желчь, мозги и лимфа. Боже!
И подкрепленья нет и нет обмена!
Несокрушимо окружен стеклом я
И бьюсь как рыба! „А зеленый плащ?“
— Зеленый плащ? Какой? „Ты в нем приехал“.
— То призрак — нет зеленого плаща. —
Американское пальто от пыли,
Перчатки лайковые, серый галстук
И кепка, цветом нежной rose champagne.

„Останься здесь!“ Ты видишь: не могу!
Я погружаюсь с каждым днем все глубже! —
Его лицо покрылось мелкой дрожью,
Как будто рядом с ним был вивисектор.
Поцеловал меня и быстро вышел,
Внизу машина уж давно пыхтела.
Дней через пять я получил письмо,
Стоял все тот же странный штемпель: „Гринок“.
— Я все хотел тебе писать, но знаешь,
Забывчивость прощительна при счастье,
А счастье для меня то — Элинор,
Как роза — роза и окно — окно.
Ведь, надобно признаться, было б глупо
Упрямо утверждать, что за словами
Скрывается какой-то „высший смысл“.
Итак, я — счастлив, прямо, просто — счастлив. —
Приходят письма к нам на пятый день.

ДЕВЯТЫЙ УДАР

Не друзей — приятелей зову я:
С ними лучше время проводить.
Что прошло, о том я не горюю,
А о будущем что ворожить?
Не разгул — опрятное веселье,
Гладкие, приятные слова,
Не томит от белых вин похмелье
И ясна пустая голова.
Каждый час наполнен так прилежно,
Что для суток сорок их готовь,
И щекочет эпидерму нежно
То, что называется любовь.

Да менять как можно чаще лица,
Не привязываться к одному.
Неужели мне могли присниться
Бредни про зеленую страну?
— Утонули? — В переносном смысле.
— Гринок? — Есть. Шотландский городок.
Все метафоры как дым повисли,
Но уйдут кольцом под потолок,
Трезвый день разгонит все химеры, —
Можно многие привести примеры.

А голос пел слегка, слегка:
— Шумит зеленая река,
И не спасти нам челнока.
В перчатке лайковой рука
Все будет звать издалека,
Не примешь в сердце ты пока
Эрвина Грина, моряка.

ДЕСЯТЫЙ УДАР

Чередованье милых развлечений
Бывает иногда скучнее службы.
Притти на помощь может только случай,
Но случая не приманишь, как Жучку.
Храм случая — игорные дома.
Описывать азарт спаленных глаз,
Губ пересохших, помертвелых лбов
Не стану я. Под выкрики крупье
Просиживал я ночи напролет.
Казалось мне, сижу я под водою.
Зеленое сукно напоминало
Зеленый край за паром голубым...

Но я искал вѣдь не воспоминаний,
Которых тщательно я избегал,
А дожидался случая. Однажды
Ко мне подходит некий человек
В больших очках и говорит: — Как видно,
Вы вовсе не игрок, скорей любитель,
Или, верней, искатель ощущений.
Но в сущности здесь — страшная тоска:
Однообразно и неинтересно.
Теперь еще не поздно. Может быть,
Вы не откажетесь пройтись со мною
И осмотреть собранье небольшое
Диковинок? Изъездил всю Европу
Я с юных лет; в Египте даже был.
Образовался маленький музей, —
Меж хламом есть занятные вещицы,
И я, как всякий коллекционер,
Ценю внимание; без разделенья,
Как все другие, эта страсть — мертва. —
Я быстро согласился, хоть, по правде
Сказать, не нравился мне этот человечек:
Казался он назойливым и глупым.
Но было только без четверти час,
И я решительно не знал что делать.
Конечно, если разбирать как случай —
Убого было это приключенье!
Мы шли квартала три; подъезд обычный,
Обычная мещанская квартирка,
Обычные подделки скарабеев,
Мушкетеры, сломанные телескопы,
Подъеденные молью парики
Да заводные куклы без ключей.
Мне на мозги садилась паутина,
Подташнивало, голова кружилась,

И я уж собирался уходить...
Хозяин чуть замялся и сказал:
— Вам, кажется, не нравится? Конечно,
Для знатока далеко не товар.
Есть у меня еще одна забава,
Но не вполне закончена она.
Я все ищу вторую половину.
На-днях, надеюсь, дело будет в шляпе.
Быть может взглянете? — Близнец! „Близнец?!“
— Близнец. „И одиночка?“ — Одиночка.
Вошли в каморку мы: посередине
Стоял аквариум, покрытый сверху
Стеклом голубоватым словно лед.
В воде форель вилась меланхолично
И мелодично била о стекло.
— Она пробьет его, не сомневайтесь.
„Ну, где же ваш близнец?“ — Сейчас, терпенье. —
Он отворил в стене, с ужимкой, шкаф
И отскочил за дверцу. Там, на стуле,
На коленкоровом зеленом фоне
Оборванное спало существо
(Как молния мелькнуло — „Калигари!“):
Сквозь кожу зелень явственно сквозила,
Кривились губы горько и преступно,
Ко лбу прилипли русые колечки
И билась вена на сухом виске.
Я с ожиданием и отвращеньем
Смотрел, смотрел, не отрывая глаз...
А рыба бьет тихонько о стекло...
И легкий треск и синий звон слились...
Американское пальто и галстук...
И кепка цветом нежной rose chapeigne.
Схватился за сердце и дико вскрикнул...
— Ах, боже мой, да вы уже знакомы?

И даже... может быть... не верю счастью!..
„Открой, открой зеленые глаза!
Мне все равно, каким тебя послала
Ко мне назад зеленая страна!
Я — смертный брат твой. Помнишь, там, в Кар-
патах?
Шекспир еще тобою не дочитан
И радугой расходятся слова.
Последний стыд и полное блаженство!..
А рыба бьет, и бьет, и бьет, и бьет.

ОДИННАДЦАТЫЙ УДАР

- Ты дышишь? Ты живешь? Не призрак ты?
- Я — первенец зеленой пустоты.

- Я слышу сердца стук, теплеет кровь...
- Не умерли, кого зовет любовь...

- Румяней щеки, исчезает тлен...
- Таинственный свершается обмен...

- Что первым обновленный взгляд найдет? —
- Форель, я вижу, разбивает лед. —

- На руку обопрись... Попробуй... встань...
- Плотнеет выветрившаяся ткань...

- Зеленую ты позабудешь лень?
- Выхожу на следующую ступень! —

- И снова можешь духом пламенеть?
- Огонь на золото расплавит медь.

- И ангел превращений снова здесь?
- Да, ангел превращений снова здесь.

ДВЕНАДЦАТЫЙ УДАР

На мосту белеют кони,
Оснеженные зимой,
И, прижав ладонь к ладони,
Быстро едем мы домой.

Нету слов, одни улыбки,
Нет луны, горит звезда —
Измененья и ошибки
Протекают как вода.

Вдоль Невы, вокруг канала, —
И по лестнице с ковром
Ты взбегаешь как бывало,
Как всегда в знакомый дом.

Два веночка из фарфора,
Два прибора на столе,
И в твоём зеленом взоре
По две розы на стебле.

Слышно, на часах в передней
Не спеша двенадцать бьет...
То моя форель последний
Разбивает звонко лед.

Живы мы? и все живые.
Мы мертвы? Завидный гроб!
Чтя обряды вековые,
Из бутылки пробка — хлоп!

Места нет печали хмурой;
Ни сомнений, ни забот!
Входит в двери белокурый,
Сумасшедший Новый год!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А знаете? Ведь я хотел сначала
Двенадцать месяцев изобразить
И каждому придумать назначенье
В кругу занятий легких и влюбленных.
А вот что получилось! Видно, я
И не влюблен, да и отяжелел.
Толпой нахлынули воспоминанья,
Отрывки из прочитанных романов,
Покойники смешались с живыми,
И так все перепуталось, что я
И сам не рад, что все это затеял.
Двенадцать месяцев я сохранил
И приблизительно дал погоду, —
И то не плохо. И потом я верю,
Что лед разбить возможно для форели,
Когда она упорна. Вот и все.

2. П А Н О Р А М А С В Ы Н О С К А М И

1. ПРИРОДА ПРИРОДСТВУЮЩАЯ
И ПРИРОДА ОПРИРОДЕННАЯ

/Natura naturans et natura naturata/

Кассирша ласково твердила:
— Зайдите, миленький, в барак,
Там вам покажут крокодила,
Там ползает японский рак. —
Но вдруг завыла дико пума,
Как будто грешники в аду,
И, озираяся угрюмо,
Сказал я тихо: „Не пойду!
Зачем искать зверей опасных,
Ревущих из багровой мглы,
Когда на вывесках прекрасных
Они так кротки и милы?“

2. В Ы Н О С К А П Е Р В А Я

Скок, скок!
Лакированный ремешок
Крепче затяни,
Гермес!
Внизу, в тени —
Лес . . .
Дальше — моря,
С небом споря,
Голубеет рог чудес.
Следом
За Ганимедом
Спешит вестник,
А прыгун — прелестник
Катит обруч палочкой,
Не думая об обрученьи,
Ни об ученьи.
Неужели ловкий бог,
Идол беременных жен,
Не мог
Догнать простого мальчика,
А пришел
Хохлатый орел
С гор?
Совка, совка, бровь не хмурь
Не зови несносных бурь!
Как завидишь корабли
Из Халдейской из земли,
Позабудешь злую дурь! —

3. МЕЧТЫ ПРИСТЫЖАЮТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Есть ли что-нибудь нелепей,
Когда в комнатке убогой
От земных великолепий
Разбегаются глаза?
По следам науки строгой
Не излечит и Асклепий,
Если висельник двурогий
Заберется вам в глаза.

Комфортабельны покои,
Есть и выезд, и премьеры,
Телефоны и лифтбои,
Телеграммы, вечера.
Всех мастей и всякой меры,
То гурьбою, то их двое,
Молодые кавалеры
Коротают вечера.

Приглашенья и изданья
На веленовой бумаге,
От поклонников признанья,
Путешествия, моря,
Легкомысленной отваги
Мимолетные свиданья, —
И сверканья резвой влаги
Разливаются в моря...

Летний сад, надутый гений,
Бестолковый спутник Лева,
Иностранных отделений
Доморощенный Вольтер.

Грузно скачет Большакова . . .
От балетных сновидений
Впечатленья никакого,
Будто прав мосье Вольтер.

А поэмы, а романы,
Переписки, мемуары, —
Что же, это все обманы
И приснилось лишь во сне?
Поэтические пары —
Идиотские чурбаны?
И пожары и угары —
Это тоже все во сне?

Право, незачем портрету
Вылезать живьем из рамок.
Если сделал глупость эту,
Получилась чепуха.
Живописен дальний замок, —
Приближаться толку нету:
Ведь для дядек и для мамок
Всякий гений — чепуха.

4. УЕДИНЕНИЕ ПИТАЕТ СТРАСТИ

Ау, Сергунька! серый скит осиротел.
Ау, Сергунька! тихий ангел пролетел.
Куда пойду, кому скажу свою печаль?
Начальным старцам сердца бедного не жаль.
Зайду в покоец — на постели тебя нет,
Зайду в борочек — на полянке тебя нет.
Спускаю к речке — и у речки тебя нет.

На том песочке потерялся милый след.
Взойду на клирос и читаю наобум.
Ударь в клепало, не отгонишь грешных дум.

Настань, страдовая пора.
Столбом завейся, мошкара!
Конопатка — матушка,
Батюшка — огонь,
Попали тела наши,
Души успокой!

Что стыдиться, что жалеть?
Раз ведь в жизни умереть.
Скидавай кафтан, Сережа.
Помогай нам, святой боже!
Братья все дивуются,
Сестры все красуются,
И стоим мы посреди,
Как два отрока в печи,
Хороши и горячи.
Держись удобней, — никому уж не отдам.
За этот грех ответим пополам!

5. ВЫНОСКА ВТОРАЯ

Дымок сладельный вьется,
На завесе — звезда.
Я знаю: друг мой милый
Потерян навсегда,

Один у нас заступник,
Он в длинном сюртуке,
Мешает тонкой палочкой
В грошовом котелке.

Заплачено за помощь
(Считал я) пять рублей, —
А сердце бьется верою
Быстрей и веселей.

Мяукает на печке
Какой-то пошлый кот.
Помощник остановится,
Отрет платочком пот...

И дальше зачитает.
Тоска, тоска, тоска!
Прозрачней с каждым словом
Сосновая доска.

Тошнотное круженье...
В руке пустой бокал...
За сердце я схватился —
И друга увидал.

6. ТЕМНЫЕ УЛИЦЫ РОЖДАЮТ ТЕМНЫЕ ЧУВСТВА

Не так, не так рождается любовь!
Вошла стареющая персианка,
Держа в руках поддельный документ, —
И пронеслось в обычном кабинете
Восточным клетком сладостное: — мечь! —
А как неумолим твой легкий шаг,
О, кавалер умученных Жизелей!
Остановился у портьер... стоишь...
Трещит камин, затопленный весною.
Дыханье с той и с этой стороны.
Непримиримо сталкивают искры...

Имагинация замкнула круг
И бешено сплесталась в голове.
Уносится тайком чужой портфель,
Подносится отравленная роза,
И пузырьками булькает со дна
Возмездие тяжелым водолазом.
Следят за тактом мертвые глаза
И сумочку волною не качает...
Уйди, уйди, не проливалась кровь,
А та безумица давно далеко!
Не говор — шопот, эхо — не шаги...
Любовь сиротка, кто тебя калечил?
Кто выпивает кровь фарфорных лиц?
Благословение или заклятье
Исходит волнами от тонких рук?
Над девичьей постелью в изголовьи
Висит таинственный знакомый знак,
А колдовские сухожилья Винчи
Люциферически возносят тело,
И снова падают природой косной.
Где ты, весенняя, сквозная роцца?
Где ты неломленная дико бровь?
Скорей бежать из этих улиц темных:
Поверь, не там рождается любовь!

7. ДОБРЫЕ ЧУВСТВА ПОБЕЖДАЮТ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

Есть у меня вещица —
Подарок от друзей,
Кому она приснится,
Тот не сойдет с ума.

Безоблачным денечком
Я получил ее,
По гатям и по кочкам
С тех пор меня ведет.

Устану ли, вздремну ли
В неровном я пути, —
Уж руки протянули
Незримые друзья.

Предамся ль малодушным
Мечтаньям и тоске, —
Утешником послушным,
Что Моцарт запоеет.

Меж тем она — не посох,
Не флейта, не кларнет,
Но взгляд очей раскосых
На ней запечатлен.

И дружба, и искусства,
И белый низкий зал,
Обещанные чувства
И верные друзья.

Пускай они в Париже,
Берлине или где, —
Любимее и ближе
Быть на земле нельзя.

А как та вещь зовется,
Я вам не назову, —
Вещунья равобьется
Сейчас же пополам.

8. В Ы Н О С К А Т Р Е Т Ь Я

По веселому морю летит пароход,
Облака расступились что мартовский лед,
И зеленая влага поката.
Кирпичом поначищены ручки кают,
И матросы все в белом сидят и поют,
И будить мне не хочется брата.
Ничего не осталось от прожитых дней...
Вижу: к морю купаться ведут лошадей,
Но не знаю заливу названья.
У конюших бома золотые, как рай,
И, играя, кричат пароходу: „прощай!“
Да и я не скажу „до свиданья“.
Не у чайки ли спросишь: „летишь ты зачем?“
Скоро люди двухлетками станут совсем,
Заводною заскачет лошадка.
Ветер, ветер, летящий, пловучий простор,
Раздувает у брата упрямый вихор, —
И в душе моей пусто и сладко.

Юр. Юркуну

3. С Е В Е Р Н Ы И В Е Е Р

1

Слоновой кости страус поет:
— Оледенелая Фелица! —
И лак, и лес, Виндзорский лед,
Китайский лебедь Бердели снится.
Дощечек семь. Сомкни, не вей!
Не иней — букв совокупленья!
На пчельниках льняных полей
Голубоватое рожденье.

2

Персидская сирень! „Двенадцатая ночь“.
Желтеет кожей водораздел желаний.

Сидит за прялкой придурковато дочь
И не идет она поить псаломских ланей.
Без звонка, через кухню, минуя швейцара,
Не один, не прямо, прямо и просто
И один,
Как заказное письмо
С точным адресом под расписку,
Вы пришли.
Я видел глазами (чем же?)
Очень белое лицо,
Светлые глаза,
Светлые волосы,
Высокий для лет рост.
Все было не так.
Я видел не глазами,
Не ушами я слышал:
От желтых обоев пело
Шекспировски плотное тело:
— „За дело, лентяйка, за дело“.

3

О, завтрак, чок! о, завтрак, чок!
Позолотись зимой, скачок!
Румяных крыльев какая рань!
Луком улыбки уныло рань.
Холодный потик рюмку скрыл,
Иголкой в плечи – росточек крыл.
Апрель январский, Альбер, Альбер,
„Танец стрекоз“, арена мер!

4

Невидимого шум мотора,
За поворотом сердце бьется.

Распирает муза капризную грудь.
В сферу удивленного взора
Алмазный Нью-Йорк берется
И океанский, горный, полевой путь.
Раскидав могильные обломки,
Готова заплакать от весны незнакомка,
Царица, не верящая своему царству,
Но храбро готовая покорить переулок
И поймать золотую пчелу.
Ломаны брови, ломаны руки,
Глаза ломаны.
Пупок то подымается, то опускается...
Жива! Жива! Здравствуй!
Недоверие, смелость,
Желание, робость,
Прелесть перворожденной Евы
Среди австралийских тростников,
Свист уличного мальчишки,
И ласточки, ласточки, ласточки.

5

.
.
.
.
.
.
.
.

6

На улице моторный фонарь
Днем. Свет без лучей

Казался нездешним рассветом. . .
Будто и теперь, как встарь,
Заблудился Орфей
Между зимой и летом.
Надеждинская стала лужайкой
С загробными анемонами в руке,
А Вы, маленький, идете с Файкой,
Заплетая ногами, вдалеке, вдалеке.
Собака в сумеречном зале.
Лает, чтобы вас не ждали.

7 ..

Двенадцать — вещее число,
А тридцать — Рубикон:
Оно носителю несло
Подземных звезд закон.

Раскройся, веер, плавно вей,
Пусти все планки в ход.
Животные земли, огней,
И воздуха, и вод.

Стихий четыре: север, юг,
И запад, и восток.
Корою твердой кроет друг
Живительный росток.

Быть может, в щедрые моря
Из лейки нежность лью, —
Возьми ее — она твоя.
Возьми и жизнь мою.

О. Чеомшановой

4. П А Л Ь Ц Ы Д Н Е Й

1. ПОНЕДЕЛЬНИК /Луна

Прикосновенье лунных пальцев...
Вставай, лунатик, в путь-дорогу.
Дорога — чище серебра,
Белеет Ева из ребра,

Произрастают звери, птицы,
Цветы сосут земную грудь.
Все, что свечой в субботу снится,
Ты можешь в небо окунуть.

Закладка. Радуга. Молебен.
Ковчег строгают старый Ной,
И день простой уже не беден —
Играет радостью иной.

В окошко зорю мирозданья
Пронзает школьникам петух.
О, первых почек клейкий дух,
О, раннее в росе свиданье!

2. В Т О Р Н И К /Марс

Приземисто краснея, глаз
Траншей тускло озаряет.
Какой неслыханный рассказ
Глухая пушка повторяет?

Висит туман янтарево,
Столбом тускнеет зарево,
Клокочет в колбе варево,
Из-за моря нам марево.

Свары, ссоры,
Схватки, своры,
Шпоры, шоры

И барабан, барабан, барабан...

А люди тонки и стройны,
Неколебимы и высоки,
Как будто стеклами войны
Стекли бушующие соки.
Гляди в продольные глаза:
Не в сером вечере гроза,
Блестит каюта на востоке.

Когда вы сидели на кресле, я думал, я думал, я думал:
Зачем этот стан, эти ноги и ребра не могут прижаться,
Зачем не могу я погладить затылок, и плечи, и щеки,
Зачем не измерить, целуя, длину протянувшего тела,
Не вычерпать воду озер, где испуганно „да“ рассмеялось?
И в город -- начало конца — лазутчики тихо вползали.

3. СРЕДА /Меркурий

Меркурий, Меркурий,
Черных курей зарежем.
Рудокоп с ногами крылатыми,
Рулевой задумчиво-юный,
Ходок по морям и по небу,
Безбородый Никола,
Офеня небесный
Без брони, без пики архангел,
Шапка есть у тебя невидимка,
Посошок волшебный,
Учишь купцов торговать,
Корабельщиков плавать,
Поэтам нагоняешь сон,
Развязываешь воображенье,
Связываешь несвязуемое,
Изобретать ты учишь
Выходить из положения,
Отталкиваться от земли
И снова к ней прикасаться.
Покой тебе ненавистен,
Умершим ты даешь мудрость.
В любви ты учишь уловкам,
Ревности, нежности,
Ссорам и примиренью,
Переходам к последней победе.
Ты переменчив как радуга,
Твой день — посреди недели, —
Катись в любую сторону.

Серо ивы клонятся,
Сиро девы клонятся,
Прошуршала конница
Шумом бесшумным.

Ветер узаконится,
Крылья узаконятся, —
Веди, бледноколонница,
К думам бездумным.

Пастух и хранитель серебряных полей,
На горячую маковку молоко пролей!

4. ЧЕТВЕРГ /Юпитер

Довольно. Я любим. Стоит в зените
Юпитер неподвижный. В кабинет
Ко мне вошел советник тайный Гете,
Пожал мне руку и сказал: „Вас ждет
Эрцгерцог на бостон. Кольцо и якорь“.
Закрыв окно, я потушил свечу.

5. ПЯТНИЦА /Венера

Кто скрижали понимает,
Кто благую весть узнает,
Тот не удивляется.
По полям пятнистым идя
И цветущий крест увидя,
Сердцем умиляется.

Разомкнулись вес и мера,
У креста стоит Венера,
Очи томно кружатся.
По морю дымятся флоты,
Пташек мартовских полеты
Раздробила лужица.

Нисхожденье — состраданье,
Восхожденье — обладанье
 Огибают струями.
О, святейший день недели,
Чтоб не пили и не ели, —
 Жили поцелуями.

6. СУББОТА

Беременная Рая,
Субботу приготовь:
 Все вымети,
 Все вычисти,
Чтоб оживились вновь
Мы запахами рая.

О, елка, о, ребята.
О, щука, о, чеснок.
 Не выразить,
 Не высказать
Как жребий наш высок,
Как наша жизнь богата.

Ну, опустите полог.
Считай: рабочих шесть,
 А день седьмой,
 А день святой
На то у бога есть,
Чтобы покой был долог.

Теперь гут нахт, тушите свечи
До деловой, житейской встречи.

7. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Только колоколам работа.
Равны рабы божии.
Паруса опустились.
Штиль, безмолвие.
Если я встречу вас, —
Не узнаю.
На всех крахмальные воротнички
И шляпы, как на корове седло.
Бездействие давит воочию.
Все блаженно растекаются
В подобии небытия.
Сердце боится остановок
И думает, что это сон,
Выдуманный Сёрра и Лафоргом.
Подходило бы, чтобы у соседей
Непрерывно играли гаммы
И гуляли приюты,
Изнывая от пустоты.
Точка, из которой ростками
Расходятся будущие лучи.

С. В. Демьянову

5. Д Л Я А В Г У С Т А

1. ТЫ

Так долго шляпой ты махал,
Что всем ужасно надоел.
Взяла брюнетка на прицел,
Подруга вставила „нахал“.
И долго крякал капитан,
Который здорово был пьян.

Махал, махал и, наконец,
Когда остался ты один,
Какой-то плотный господин
Тебя уводит как отец.
В одной из светленьких кают
Уж скоро рюмки запоют.

Ты треугольник видишь бри
И рядом страсбургский пирог...
Тут удержаться уж не мог,
Подумал: „Ах, чорт побери!
Я никогда их не едал,
У Блока кое-что читал“.

Отец нежданный стороной
Заводит речь о том, о сем:
Да сколько лет, да как живем,
Да есть ли свой у вас портной...
То Генрих Манн, то Томас Манн,
А сам рукой тебе в карман...

Папаша, папа, эй-эй-эй!
Не по-отцовски вы смелы...
Но тот, к кому вы так милы,
Видавший виды воробей.
Спустилась шторка на окне,
Корабль несется по волне.

2. Л У Н А

А ну, луна, печально!
Печатать про луну
Считается банально,
Не знаю, почему.

А ты внушаешь знанье
И сердцу, и уму:
Понятней расстоянье
При взгляде на луну,

И время, и разлука,
И тетушка искусств, —
Оккультная наука,
И много разных чувств.

Покойницкие лица
Ты милым придаешь,
А иногда приснится
Приятненькая ложь.

Без всякого уменья
Ты крыши зеленишь,
И вызовешь на пенье
Несмысленную мышь.

Ты путаешь, вещаешь,
Кувыркаешь свой серп
И точно отмечаешь
Лишь прибыль да ущерб.

Тебя зовут Геката,
Тебя зовут Пастух,
Коты тебе оплата
Да вороной петух.

Не думай, ради бога,
Что ты — хозяйка мне, —
Лежит моя дорога
В обратной стороне.

Но, чистая невеста
И ведьма, нету злей,
Тебе найдется место
И в повести моей.

З. А. Я. . . .

Стоит в конце проспекта сад,
Для многих он — приют услад,
А для других, ну — сад, как сад.

У тех, кто ходят и сидят
Особенный какой-то взгляд,
А с виду — ходят и сидят,

Куда бы ни пришлось идти, —
Все этот сад мне по пути,
Никак его не обойти.

Уж в августе темнее ночи,
А под деревьями еще темнее.
Я в сад не заходил нарочно,
Попутчика нашел себе случайно...
Он был высокий, в серой кепке,
В потертом несколько, но модном платье.
Я голоса его не слышал —
Мы познакомились без разговоров, —
А мне казалось, что, должно быть, — хриплый.

— На Вознесенском близко дом...
Мы скоро до него дойдем...
Простите, очень грязный дом. —

Улыбка бедная скользит...
Какой у Вас знакомый вид!..
Надежды, память — все скользит...

Ведь не был я несколько пьян,
Но рот, фигура и туман
Твердили: — ты смертельно пьян!..

Разделся просто, детски лег...
Метафизический намек
Двусмысленно на сердце лег.

4. Т О Т

Поверим ли словам цыганки, —
До самой смерти продрожим.
А тот сидит в стеклянной банке,
И моложав и невредим.

Сидит у столика и пишет, —
Тут каждый Бердсли и Шекспир, —
Апрельский ветер тюль колышит,
Сиреневый трепещет мир,

Звенят, звенят невыносимо
Иголки, искры и вино,
И ласточки просвищут мимо
Американкою в окно.

Измены здесь для примиренья,
А примиренья для измен.
Политональнейшее пенье
От лаковых несется стен.

Все кружится, и все на месте...
Все близко так, и все поет,
Отчетливо, как при Норд-Эсте,
Прозрачно, словно жидкий мед...

Куда пропал ты беспечальный
И чистый воздух медных скал?
На Вознесенском дом скандальный
Да пароходный тот нахал!

5. ТЫ /2-ое

— Остановка здесь от часа до шести
А хотелось бы неделю провести.

Словно вайчики зеркал,
Городок из моря встал,
Все каналы да плотины,
Со стадами луговины, —
Нет ни пропастей, ни скал. —

Кабачок стоит на самом берегу,
Пароход я из окна устерегу.

Только море, только высь.
По земле бы мне пройтись:
Что ни город — все чудесно,
Неизвестно и прелестно,
Только знай себе дивись! —

Если любишь, разве можно устоять?
Это утро повторится ли опять?

И галантна и крепка
Стариковская рука.
Скрипнул блок. Пахнуло элем,
Чепуху сейчас замелем,
Не слышать нам свистка.

6. А Я /2-ое

Постучали еле слышно...
Спичка чирк... шаги... глаза...
Шопот... „Вася, осторожней:
По домам идет обход“. —
— Шпалер, шпалер... Брось за печку...

— Гость?... смывайтесь... разве пьян?..
— Черный ход еще не заперт, —
Мина Карловна сидит. —
— Извиняюсь... не нарочно...
Я и сам тому не рад...
Я засыпаюсь, наверно,
На Конюшенной налет.
Ну, пока! — поцеловались...
— Стой! и я с тобой. — Куда? —
— Все равно! — А попадетесь?
Укрывателю тюрьма. —

Отчего же хриплый голос
Стал прозрачным и любимым,
Будто флейта заиграла
Из-за толстого стекла.
Отчего же эта нежность
Щеки серые покрыла,
Словно в сердце заключенной
Остаться не могла?
Разве ты сидишь и пишешь,
Легче бабочки из шелка,
И причесан, и напудрен,
У апрельского стола?

— Что же стали? — кот — басило...
Опрокинулось ведро.
— Тише, черти! — Сердце бьется,
Заливается свисток.
— Значит, ты?... — До самой смерти! —
Улыбнулся в темноте.
— Может, ждать совсем не долго,
Но спасибо и на том.
Тут калитка возле ямы...
Проходной я знаю двор.

Деньги есть? Айда, на Остров.
Там знакомый пароход.
Паспортов у нас не спросят,
А посадят прямо в трюм.
Дней пяток поголодаем
Вместе, милый человек! —

7. Т О Т /2-ое

Февральский радио поёт,
Приволье молодости дальной,
Натопленность кисейной спальней
И межпланетный перелет.

Перечит нежности начальной
Воспоминаний праздный счет.
Серееет снег, тончает лед,
Не уберечь зимы венчальной!

Хрусталь на прежнее стекло
Воображенье налагает,
Изменчивое так светло!

Плывут виади, воздух тает...
И сонный вой гавайских труб
Напоминает трепет губ.

8. Л У Н А /2-ое

Луна! Где встретились!.. сквозь люки
Ты беспрепятственно глядишь,
Как будто фокусника трюки,
Что из цилиндра тянет мышь.

Тебе милей была бы урна,
Руины, жалостный пейзаж!
А мы устроились недурно,
Забравшись за чужой багаж!
Все спит; попахивает дегтем,
Мочалой прелой от рогож...
И вдруг, как у Рэнбо, под ногтем
Торжественная щелкнет вошь.
И нам тепло, и не темно нам,
Уютно. Качки нет следа.
По фантастическим законам
Не вспоминается еда...
Сосед храпит. Луна свободно
Его ласкает как угодно,
И сладострастна и чиста,
Во всевозможные места.
Я не ревнив к такому горю:
Ведь стоит руку протянуть, —
И я с луной легко поспорю
На деле, а не какнибудь!
Вдруг... Как?... смотрю, смотрю... черты
Чужие вовсе... Разве ты
Таким и был? И нос, и рот...
Он у того совсем не тот.
Зачем же голод, трюм и море,
Зубов нечищенных оскал?
Ужели злых фантазмагорий,
Луна, игрушкой я стал?
Но так доверчиво дыханье,
И грудь худая так тепла,
Что в темном, горестном лобзаньи
Я забываю все до тла.

9. ТЫ /3-е

— Вы мне не нравитесь при лунном свете:
Откуда-то взялись брюшко и плешь,
И вообще, пора бы шутки эти
Оставить вам, — Голландия скучна! —
— Но, детка, вы же сами захотели
Остановиться в этом городке.
Не думал я, что в столь прелестном теле
Такой упрямец маленький сидит. —
— Вы лишены духовных интересов.
Что надо вам, легко б могли найти
В любом из практикующих балбесов!
А я... а я... — Брюссельская капуста
Приправлена слезами. За окном
На горизонте растушован густо
Далекий дождь...
В глазах плывет размытая фиалка, —
Так самого себя бывает жалко!
— Вы сами можете помочь невзгодам,
Ведь дело не в Голландии, а в вас! —
— Нет, завтра, завтра, первым пароходом!
А вас освобождаю хоть сейчас! —
Забарабанил дружно дождь по крышам,
Все стало простодушней и ясней.
Свисток теперь, конечно, мы услышим,
А там посмотрим. „Утро вечера мудреней“.

10. ВСЕ ЧЕТВЕРО /Апофеоз

Тра-та-та-та́-та, тра-та-та-та́-та,
Тра-та-та-та́-та, тра-та́-та-та́!
Нептун трезубцем тритонов гонит.
Апофеоз. Апофеоз!

Тра-та-та-та́-та. Дельфин играет!
Тра-та-та-та́-та. Ярка лазурь!
Брады завеса ключом взлетает.
Апофеоз. Апофеоз!

Парная роскошь — бывшая мокреда,
Повеял ужас, дымит восторг...
И ты — не тот ведь, и тот — не тот ведь!
Апофеоз. Апофеоз!

Потягиваясь сладко, вышли.
Голландия! Конец пути.
Итти легко как паре в дышле.
И заново глядят глаза:
Земля и воздух — все другое.
Кругом народ, все видим мы,
И все-таки нас только двое,
И мы другие, как и все.
Какой чудесный день сегодня.
Как пьяно вывески твердят,
Что велика любовь господня!
Поют опущенные сходни,
Танцуют краны, паруса.
Ты не сидишь уже окован
В стеклянном пресном далеке,
Кисейный столик расколдован
И бьется в сердце как живой.
Вдруг... боже мой. Навстречу пара,
И машет та же шляпа мне.
Ах, в ожидании удара,
Прижаться в нежной простоте.
Другой кричит издалека:
— Fichue rencontre! c'est toi! c'est moi! —

Толчком проворным старик за бортом...
Такая жертва, такой отказ
Считаться мог бы первейшим сортом.
Апофеоз. Апофеоз!

— Ведь я все тот же! минута бреда...
Опять с тобою — и нет измен. —
— Круги бросайте! Тащите деда! —
Апофеоз. Апофеоз!

Тра-та-та́-та. Но я не тот же!
Тра-та-та-та́-та. Я не один!
— Какая черствость! и с кем? о, боже!
Тра-та-татата́-та, тра-та-та-та́.

Триумф Нептуна туземцев тешит.
И остаются все при своем.
В восторге дядя затылок чешет.
Апофеоз! Апофеоз!

К. П. Покровскому

6. Л А З А Р Ъ

1. ЛАЗАРЬ

Припадочно заколотился джаз,
И Мицци дико завизжала: „Лазарь!“
К стене прилипли декольте и фраки
И на гитары негры засмотрелись,
Как будто видели их в первый раз...

— Но Мицци, Мицци, что смутило вас?
Ведь это брат ваш Вилли. Не узнали?
Он даже не переменил костюма,
Походка та же, тот же рост, прическа,
Оттенок тот же сероватых глаз. —

— Как мог мой Вилли выйти из тюрьмы?
Он там сидит, ты знаешь, пятый месяц.

Четыре уж прошло . . . Четыре чувства,
Четыре дня, четырехдневный Лазарь!
Сошли с ума и он, и бог, и мы! —

— Ах, Мицци дорогая . . . — О, позволь
Мне опуститься вновь в небытие,
Где золотая кровь и золотые
Колосья колются, и запах тленья
Животворит спасительную боль! —

Охриплой горлицею крик затих.
Где наш любимый загородный домик,
Сестрица Марта с Моцартом и Гете?
Но успокоилось уже смятенье,
И застонала музыка: „Für dich!..“

2. ДОМИК

С тех пор прошло уж года два,
А помню, как теперь . . .
Высоких лип едва-едва
Коснулся месяц май.

Веселый дождик. Духов день.
Садовник рвет цветы.
Едва ступил я на ступень, —
Услышал тихий смех.

А за стеклом две пары глаз
Смеются словно май, —
И Вилли в комнату сейчас
Со скрипкою вбежит.

Как мог быть с вами незнаком
Я целых тридцать лет?
Благословен ваш сельский дом,
Благословен господь!

3. МИЦЦИ И МАРТА

Не переводятся гости у нас, уж так повелось:
Только проводишь одних, смотришь — других принимаешь.
Едут и старый и малый: банкиры, купцы, лейтенанты,
Кино-актеры, певцы, летчик, боксер, инженер.
Марта сбилась с ног: принять, занять разговором,
Всех накормить, напоить, розы поставить на стол.
Мицци — та не хозяйка: только бы ей наряжаться,
Только бы книги читать, только бы бегать в саду.
Мицци имеет успех гораздо больший, чем Марта,
Не потому, что всего только семнадцать ей лет.
Марте тоже не много, она и добрей и спокойней,
Меньше капризов у ней, чаще улыбка видна.
Мицци, за что ни возьмется, мигом все одолеет,
Мигом забросит одно, мигом другое в уме.
То ненасытно танцует, хохочет, правит мотором,
То помрачнеет как ночь, молча запрется одна,
Час, полтора просидит, плача, она неподвижно.
Губы кривятся, дрожат, сводит суставы болезнь...
Выйдет, как после припадка, сядет, глядит виновато...
Спрашивать вздумает кто, молвит: ... сидела у ног —
Слава не очень хорошая ходит про наших сестричек.
Марту тревожит она, Мицци на все наплевать...
Ну, а друзья? Да что же друзья? Какое им дело:
Музыка, танцы, игра, вечно вино на столе.

А Вилли — брат любимый;
Румян, высокий рост,
И сердце золотое,
И нравом очень прост.

Вилли несчастный, милый мой друг,
Зачем это время я вспомнил вдруг?

Быстро в беседку вошла и бросилась к Мицци на шею,
Розою вся запыхав, старшая, Марта сестра.

— Мицци, послушай меня: какая забавная новость!

Всех я корю за любовь, — вот полюбила сама.

— Марточка, Марточка, ты? Признаться — разодолжила.

Можно и имя узнать? — Помнишь, высокий блондин...

В Духов день он пришел и на крыльце спотыкнулся...

Вилли со скрипкой тогда в комнату быстро вбежал,

Гость покраснел и смутился... Ужели не помнишь, родная?—

Мицци умолкла на миг, тень пробежала по лбу.

— Марта, разумная Марта, все для других ты рассудишь,

А доведись до себя — выйдешь ребенка глупей.

Ты полюбила его. Я верю и этому рада,

Но рассудила ли ты, что ты получишь в ответ?—

Марта, еще покраснев, смущенная молвит: — Зачем же?

Он не выходит от нас, словно забыл о делах.

Он человек занятой, а вечно сидит да играет,

Слушает песни мои, робко краснеет, молчит. —

Мицци прищурила глаз и тихо, отдельно сказала:

— Мы тут, поверь, ни при чем; хочет он с Вилли дружить. —

А Вилли, брат любимый,

Глядит себе во двор...

Вот бы расхохотался,

Услыша разговор.

Вилли несчастный, милый мой друг,

Зачем это время я вспомнил вдруг?

4. ЭДИТ

Весь город поутру твердит:
— Вчера убита Джойс Эдит. —
А кто она и где жила,
И с кем тот вечер провела?

Чужая смерть невнятна нам —
Поахали — и по делам:
Кто на завод, кто в магазин,
В контору, в банк, — и ни один

Из них не думал, что когда -
Нибудь исчезнет навсегда.

Звенят трамваи, слаб ледок,
А девушка глядит в листок:
Все те же десять черных строк,
А уж заныла от боли бок,

Расширенно стоят глаза,
И не бежит на них слеза,
И рот запекшийся твердит:
— Моя Эдит, моя Эдит.

Куда девался милых смех,
Улыбки и соболий мех,
Сережки длинные в ушах,
И воробьиная душа?

Кто будет в опере бывать,
Блэк-беттом с Вилли танцовать?
Где ты упала, где лежишь,
Не обновивши модных лыж?

Тебя в саду я не найду...
Вдруг вскрикнула и на ходу
С трамвая бросилась в мотор...
Все так же дик недвижный взор.

Скорей, скорей, скорей, скорей
В простор сугробистых полей!
Прокрикнул адрес кое-как...
Шофер, как видно, не дурак,

Пускает запрещенный ход,
Застопорил лишь у ворот.
— Не надо сдачи! — Вот звонок...
Рукою жмет себе висок...

— Где Вилли? — Старшая сестра
Шепнула: — Он еще вчера
Был арестован. — Мицци, ах,
Не устояла на ногах.

5. СУД

Дамы, дамы, молодые люди,
Что вы не гуляете по липкам,
Что не забавляетесь в Давосе,
Веселя снега своим румянцем?
Отчего, как загнанное стадо,
Вы толпитесь в этом душном зале,
Прокурора слушая с волнением,
Словно он объявит приз за хоккей?
Замелькади дамские платочки,
Котелки сползают на затылок:

Видно и убитую жалеют,
Жалко и убийцы молодого.
Он сидит, закрыв лицо руками;
Лишь порою вздрагивают уши
Да пробор меж лаковых волосьев
Проведен не очень что-то ровно.
Он взглянуть боится на скамейку,
Где сидят его родные сестры,
Отвечает он судье, не глядя,
И срывается любимый голос.
А взглянул бы Вилли на скамейку,
Увидал бы Мицци он и Марту,
Рядом пожилого господина
С черной бородою, в волчей шапке...
Мицци крепко за руку он держит.
Та к нему лисичкою прижалась.
— Не волнуйтесь, барышня, о брате:
Как бы судьи тут ни рассудили,
Бог по-своему всегда рассудит.
Вижу ясно всю его дорогу, —
Труден путь, но велика награда.
Отнимаются четыре чувства:
Осязанье, зренье, слух — возьмутся,
Обонянье испарится в воздух,
Распадутся связки и суставы,
Станет человек плачевней труп.
И тогда-то в тишине утробной
Пятая сестра к нему подходит,
Даст вкусить от золотого хлеба,
Золотым вином его напоит:
Золотая кровь вольется в жилы,
Золотые мысли — словно пчелы,
Чувства все вернутся хороводом.

В обновленное своё жилище.
Выйдет человек, как из гробницы
Вышел прежде друг господень Лазарь. —
Все писцы внезапно встрепенулись,
Перья приготовили, бумагу;
Из дверей свидетелей выводят,
Четверых подводят под присягу:
Первым нищий тут слепорожденный
Палкою настукивал дорогу,
А за ним домашняя хозяйка —
Не то бондарша, не то сиделка.
Вышел тут же и посадский шкетик,
Дико рот накрашен, ручки в брючки,
А четвертым — долговязый сыщик
И при нем ищейка на цепочке.
Встали все и приняли присягу.
— Отчего их четверо, учитель?
Что учил ты про четыре чувства,
Что учил про полноту квадрата,
Неужели в этом страшном месте
Понимать я начинаю числа?
Вилли, слушай! Вилли, брат любимый,
Опускайся ниже до предела!
Насладись до дна своим позором,
Чтоб и я могла с тобою вместе
Золотым ручьем протечь из снега!
Я люблю тебя, как не полюбит
Ни жена, ни мать, ни брат, ни ангел! —
Стали белыми глаза у Вилли
И на Мицци он взглянул с улыбкой,
А сосед её тихонько гладит,
Успокаивает и ласкает;
А в кармане у него конвертик.

Шелестит с американской маркой:
„Часовых дел мастеру в Берлине,
Вильмерсдорф, Эммануилу Прошке“.

6. ПЕРВЫЙ СВИДЕТЕЛЬ /Слепорожденный

Слепым родился я на свет,
И так живу уж сорок лет.
Лишь по наслышке, смутно зная,
Что есть и зорька золотая,
Барашки белые в реке,
Румянец свежий на щеке.
И как бы ни твердили внятно,
А пестрота мне непонятна
Природы: для меня она
В глубокий мрак погружена.
Я рос и вырос сиротою
И по домам хожу с сумою.
Кто даст — господь того спаси,
А нет — пустой суму неси.
Конечно, есть между слепыми —
Живут ремеслами какими,
Меня же смолоду влекло
На ветер, дождик, снег, тепло!
Что близких нет, так мне не жалко,
Верней родни слепому — палка:
Она и брат, она и друг,
Пока не выпадет из рук.
Вот так-то, палкою водимый,
Я брел равниною родимой...
Вдруг палкой ткнул — нельзя итти,
Лежит преграда на пути.

Остановился. Шум далеко,
Собака лает одиноко.
Провел рукою — предо мной
Лежит мужчина молодой...
Потрогал, он не шевелится,
А сердце бьется, ровно птица.
— Послушай, встань! Напился, брат?
Пора домой итти назад.
Замерзнешь на снегу... — Очнулся,
Вскочил и сам ко мне нагнулся.
— Кто здесь? Ты видел? Боже мой,
Собака гонится за мной! —
— Я слеп и ничего не вижу,
А и видал бы — не обижу.
— Тебе не страшно? — Нет, чего?
— Я, может быть... убил кого!
— Все может быть. Не нам, убогим,
Пристало быть к другому строгим.
Я — просто бедный человек. —
Умолк. Рука сгребает снег,
А снег ледок осевший кроет,
Да столб от телеграфа воеет,
Да поезд по мосту стучит,
Да ночь снеговая молчит...
— Ощупай мне лицо рукою!
Скажи, кто здесь перед тобою?
Глубоко врезалась печать?
Черты уж начали кричать?
— Ты — молодой и добрый малый,
В нужде и горе не бывалый.
Есть у тебя друзья и дом,
Ты с лаской нежною знаком.
В труде рука не загубела,

Еще приятно, гладко тело...
Ты говоришь, что ты убил, —
Но грех до кожи не доплыл:
Она попрежнему чиста,
Она попрежнему свята,
Попрежнему ее коснуться —
Для жизни и любви проснуться. —
Он весь дрожит и руку жмет,
На снег умятый слезы льет.
— Есть люди, для которых Вилли
Его грехи не изменили!
Он денег дал, простился, встал...
С тех пор его я не встречал.

7. ВТОРОЙ СВИДЕТЕЛЬ /Хозяйка

Покойный муж говаривал мне: „Минна,
Умру спокойно — ты не пропадешь, —
Сумеешь грош нажить на каждый грош
И в деле разобраться, как мужчина“.
А Фриц мой знал отлично в людях толк, —
Не даром шуцманом служил лет десять;
На глаз определит — того повесят,
А тот поступит в гренадерский полк.
Ко мне, быть может, был он и пристрастен:
Свою жену, ну, как не похвалить?
Но вскоре приказал он долго жить.
В таких делах уж человек не властен!
Живым — живое, а умершим — тленье.
И вот, покрывшись траурным чепцом,
Открыла гарнированный я дом,
Чтоб оправдать супружеское мнение.
Вложила весь остаток капитала

Я в этот дом; не мало и хлопот...
А через год — глядь — маленький доход.
Но большего ведь я и не искала.
Без нищеты дни протянуть до смерти —
Вот вся задача. Но зато труда
Потратила не мало, господа,
На это дело, верьте иль не верьте!
Руководить жильцовскою оравой,
Распределять и строгость и привет —
Трудней такой работы в свете нет.
Должны бы мы увенчиваться славой
Как полководцы, иль как дипломаты,
Иль как какой известный дирижер...
Все должен знать хозяйский слух и взор
Насчет скандалов, нравственности, платы.
Перебывала масса квартирантов;
Видала я и фрейлин, и певиц,
И адмиралов, и простых девиц,
И укротителей, и модных франтов.
И Джойс Эдит была между другими;
Актрисою писалась она,
Нужды не знала, но была скромна,
И превосходно танцевала шимми.
Конечно, к ней ходили тоже гости,
Но человек — всегда ведь человек,
И так короток наш девичий век!
Степennым быть успеешь на погосте.
Я никого — мой бог! — не осуждаю:
За молодость, кто может быть судья?
Как вспомнится: „К Максиму еду я“,
Так до сих пор теряюсь и вздыхаю...
Меж прочими к нам приходил и Вилли,
И наконец — бывал лишь он один.
Ну, что ж? Вполне приличный господин,

И по-семейному мы время проводили.
И барышня к нам часто забегала,
Его сестра, да друг его, блондин
Высокий, тоже милый господин,
И ничего я не подозревала.
В день роковой я около полночи
Решила спать. А Вилли был у нас
Свой человек!.. Я потушила газ
В передней и легла, сомкнувши очи.
Поутру встала. С виду все в порядке.
Эдит вставала рано. Стук-стук-стук.
Стучу... Еще... Хоть бы единый звук
Из-за дверей в ответ! Как в лихорадке
Какао я скорей на подоконник...
Стучу, что мочи, в двери кулаком,
Ломаю их, не думая о том,
Что, может, не ушел еще поклонник...
Ах, ах! как замертво я не упала?
Как упустил свою добычу чорт?!
Бутылки между роз, слоеный торт
И два недопитых до дна бокала...
Лишилась дара речи... рву косынку
Как дура... А Эдит моя лежит —
Как спит; кинжал в груди у ней торчит,
И кровь течет на новую простынку!..
Ну, кто бы тут, скажите, не рехнулся?
Никто же ведь не думал, не гадал!
Такое преступленье и скандал!
Я на пол — бух, и речи дар вернулся.
Поверите, я никому на свете
Такого не желаю пережить.
Как застрахованной от горя быть,
Когда мы все как маленькие дети?..

8. ТРЕТИЙ СВИДЕТЕЛЬ /Шкет

Что ж, господа, вы хотите знать?
Видел что? — ничего не видел.
Знал кого? — никого не знал.
Слышал кой-что, да и то случайно.
Род занятий? — как вам сказать?
Чем придется — всего вернее.
Возраст? — Двадцать. Холост. Крещен.
Место жительства не имею . . .
Был не очень большой мороз,
Как вы помните: сухо, ясно —
Прямо, погода как на заказ
Для такой вот бездомной братьи.
Тут кино, а туда — кафе,
Так — фонарь, там — стоянка трама.
Место бойкое, свет во всю:
Можно выбрать, кого угодно!
Клюнуло . . . Видно, важный гусь.
Я за ним в переулок темный.
Вдруг куда-то пропал мой тип,
Будто сквозь землю провалился.
Закурил . . . Надо подождать.
Слышу в желудке: скоро полночь . . .
С двух . . . выходит — десять часов!
Дело дрянь! А стою у подъезда.
Как прошли, не заметил я,
Только слышу: как будто спорят.
Голос у девушки чист, приятен!
Думал — гулящая; нет, не то.
Ну, а мужчина совсем как мальчик!
Старшие классы . . . юнкер . . . спорт.
Да и не спорят, а как-то странно

Оба волнуются все об одном.
С голоду все мне было понятно,
Вспомню — опять не понять ни черта.
Будто она ему: — Милый, ты видишь?
Легкая поступь тяжелей всех,
Легкий стук — это гроб забивают,
Плод получить — не сливы трясти. —
Он ей: — Когда тебя что смущает...
Ну, искушенье... сделай и брось!
Тут очищенье, крепость, сила.
— „Сделай и брось!“ А прилипнет рука?
— Есть огонь, всякий клей растопит. —
— Да, огонь, и железо, и смерть!
Тут умолкла. Вдруг очень нежно:
— Кто тебе дороже всего?
— Кто дороже всего, ты знаешь.
Я говорил, не скрывал ничего. —
— Преступленье — такая честность! —
— Что с тобой? Ты сегодня больна?
— Ах, в болезни острее зренье,
Мысль яснее, тончает слух! —
— Право, какая-то ночь вопросов! —
— Что ж? пускай, но скажи мне одно,
Больше я приставать не буду:
Прав ли тот, кто уходит сам?
Ну, уходит... ты понимаешь? —
— Я далеко не фаталист,
Но считаю, что все уходы
Нам предписывает судьба.
Тешимся детски свободной волей,
А уходим, окончив роль. —
— Это ясно, по крайней мере! —
Тут вернулся мой господин,

Подошел и пыкнул сигарой...
Не напрасно так долго ждал!
Пусть приходят и пусть уходят, —
Что мне за дело до других?
Я на сегодня имею ужин...
А чего-то мне было жаль...

9. ЧЕТВЕРТЫЙ СВИДЕТЕЛЬ /Сыщик

Когда нас пригласили вместе с Дэзи
На место преступления, я не знал,
В чем дело. Может быть, простой грабеж
Иль воровство. В лицо мне эта дама
Была известна, но особой слежки
За ней не полагалось, так что я
Не знал — ни кто она, ни с кем водилась,
Ни где бывала, — и пришел как в лес.
Но для собаки не играет роли
Осведомленность: стоит ей на след
Напасть и вам преступника отыщет.
Одно скажу, что не специалист
Тут действовал: следов он не засыпал,
И прямо побежал, не забегая
Туда-сюда, без всяких остановок.
За ней помчалось на автомобилях
Нас человека три. В поле, за город,
За полотно куда-то нас вела.
Мы думали, совсем уж убежала...
Вдруг слышим лай, — и бросились туда.
Лежал без чувств преступник на сугробе;
Сидела Дэзи, высунув язык,
И уходил вдали слепой прохожий...

Ведь на снегу все видно, словно днем.
Отдался в руки он беспрекословно.
Свое я дело сделал. Дальше — вам!
Напомню только, что одна собака
В суде бывает лишена пристрастья,
Ей все равно — что молод, стар, красив,
Один ли сын, иль что-нибудь такое...
Все это — человеческие чувства,
А ею водит нюх и запах крови.
Где запах крови, там ищи убийства.

10. ПОСЛЕ СУДА

Зачем идти домой,
Когда не встречу брата?
Весь мир мне стал тюрьмой,
А жизнь цвела когда-то
Привольно и богато
Тобой, одним тобой.

Зачем он все молчал,
В устах улыбка жалась?
Он правды не искал,
И правда оказалась,
Как будто приближалось
Начало всех начал.

Начало всех начал друзей согнало
К Эммануилу за перегородку.
Тут ничего о Вилли не напомнит,
Тут тиканье часов их успокоит,
Глубокий голос уврачует раны,
Закат об утренней заре пророчит.

Ведь одного лишь нет,
А будто все разбито,
И омрачился свет,
И солнце тучей скрыто.
До крика не забыто,
Какой несем ответ.

Связать нельзя черты,
Не восстановишь круга,
Своей неправоты
Не отогнать испуга,
И смотрят друг на друга
И повторяют: „ты“.

II. НОЧЬЮ

Шаги за спиною и черный канал,
А на сердце льется тягучий асфальт.
Зачем он увидел, зачем он догнал?
Пускай бы лишь искры, да сажа из труб,
Да куст бузины, неопрятен и тощ,
Тщедушный изгнанник младенческих роцц!

Обгонит, быть может, и мимо пройдет?
Вот эта скамейка в тени на мосту...
Нет, шаг замедляет, за руку берет...
Теперь никуда от него не уйти!
О, как ненавистен и светлый пробор
И, братом любимый, болотистый взор!

— Куда вы, Мицци? Час глухой

И место здесь глухое. —

— Зачем следите вы за мной?

Мне тяжелее вдвое. —

— Я должен вас оберегать,
Теперь я вместо брата. —
— Нет! Вилли будет жить опять,
Как с нами жил когда-то! —

Стал гуще липкий полумрак.
— Не верите? молчите? —
— Наверно все и будет так,
Как вы того хотите. —

— Известно, вижу, что-то вам,
Чего другой не знает.
Быть может, сами были там,
Где дух Эдит витает?

Зачем молчанием томить?
Сознайтесь: были? были??.
Она могла помехой быть —
И вы ее убили.

Так ясно все! Конечно, вы..
Другой посмел бы кто же?
Но он смолчал — и вы правы,
И все на бред похоже! —

— Нет, я не убивал... А бред
Всегда был в этом деле.
Сказали бы: — „Виновных нет, —
Когда б понять сумели“. —

— Кругом такая пустота...
Я ничего не вижу...
Я не любила вас всегда,
Теперь же ненавижу!.. —

— Все это бред. Я вам — не враг.
Я друг, поймите, Вилли. —
Они ускорили свой шаг,
Про тех не говорили.

И быстро и молча проходят они
Заводы, заставы, заборы, мосты...
Слилися вдали городские огни,
И ветру просторней, и тише дышать...
Виднеется вдруг словно вымерший дом —
По снам позабытым он сердцу знаком.

12. ПОСЕЩЕНИЕ

В окне под потолком желтеет липа,
И виден золотой отрезок неба.
Так тихо, будто вы давно забыты,
Иль выздоравливаете в больнице,
Иль умерли, и все давно в порядке.
Здесь каждая минута протекает
Тяжелых, полных шестьдесят секунд.
И сердце словно перестало биться,
И стены белы как в монастыре.
Когда раздался хриплый скрип ключа,
Сидевший у стола не обернулся,
А продолжал неистово смотреть
На золотую липу в небе желтом.
Вот перед ним какой-то человек.
Он в волчьей шапке, с черной бородою,
В руках он держит круглый белый хлеб
И узкогорлую бутылку с рейнским.
— Я навещать пришел вас. Может быть,

Не только навестить... Молчит, ни слова.
— Мне все известно. Вы ведь Вильгельм Штуде.
У вас есть сестры, Марта и Мария,
И друг у вас Эрнест фон Гогендакель...
А Джойс Эдит вам не была невестой. —
— Вот чудеса! Газетные известья!
Кто ж этого не знает? Имена! —
— Ну, хорошо. Тогда напомним то,
Что не было помещено в газетах:
Что вы Эдит совсем не убивали,
А взяли на себя вину затем,
Чтоб не коснулось подозренье друга. —
— Зачем нам заново вести все дело?
В суде сказалося не мненье судей,
А чья-то правда правду оттолкнула
И мне не позволяла говорить.
Теперь мне все равно, как будто чувства
Мои исчезли, связки и суставы
Распалися. Одна осталась жажда,
Да голод маленький. Вот, я читал,
Что дикари живьем съедают бога.
Того, кто дорог, тоже можно съесть.
Вы понимаете? я будто умер,
И приговор есть только подтвержденье
Того, что уж случилось. Право, так. —
— Я вам принес хорошего вина.
Попробуйте и закусите хлебом. —
— О, словно золото! А хлеб какой!
Я никогда такой не видел корки!
Вливается божественная кровь!
Крылатыми становятся все мысли!
Да это — не вино, не хлеб, а чудо!
И вас я вспоминаю. Вас видал,

Еще когда я назывался Вилли.
Теперь я, может быть, уж Фридрих, Карл,
Вольфганг, иль как-нибудь еще чуднее.
— Идемте. Дверь открыта. Все готово.
Вас ждут. Вы сами знаете — вас любят.
И заново начать возможно жизнь. —
— А Джойс Эдит, бедняжка, не воскреснет. —
— Воскреснет, как и все. Вам неизвестно,
Что у меня предсмертное письмо
Ее находится? Улики сняты. —
— Ах, так!.. Я разучился уж ходить...
Я не дойду. Какое солнце! Липы! —

13. Д О М

Благословен, благословен
И сад, и дом, и жизнь, и таен.
Крыльцо, где милый друг явился,
Балкон, где я любви учился,
Где поцелуй запечатлен!

Вот две сестры, учитель, друг.
Какой восторженный испуг!
Ведь я опять на свет родился,
Опять я к жизни возвратился,
Преодолев глухой недуг!

Зачем же Мицци так бледна?
О чем задумалась она,
Как будто брату и не рада, —

Стоит там, у калитки сада,
В свои мечты погружена?

— О, тише, тише, — говорит, —
Сейчас придет сюда Эдит.
Она уснула — не шумите.
К окну тихонько подойдите
И посмотрите — тихо спит...

Нет, Вилли, нет. Ты был не прав.
У ней простой и нежный нрав.
Она мышонка не обидит...
Теперь она тебя не видит,
Но выйдет, досыта поспав.

Смешной нам выдался удел.
Ты, братец, весь позолотел:
Учитель, верно, дал покушать?..
Его по-детски надо слушать:
Он сделал все, что он умел.

Взгляни с балкона прямо вниз:
Растет малютка кипарис,
Все выше траурная крошка!
Но погоди еще немножко, —
И станет сад как парадиз!..

Как золотится небосклон!
Какой далекий, тихий звон!
Ты, Вилли, заиграл на скрипке?
Кругом светло, кругом улыбки...
Что это? сон? знакомый сон?.. —

А брат стоит, преображен,
Как будто выше ростом он...
Не видит он, как друг хлопчет,
Вернуть сознание Мицци хочет
И как желтеет небосклон...

1928

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Форель разбивает лед

1-ое вступление	9
2-ое вступление	10
1-ый удар	11
2-ой удар	12
3-ий удар	13
4-ый удар	14
5-ый удар	15
6-ой удар	16
7-ой удар	19
8-ой удар	20
9-ый удар	21
10-ый удар	22
11-ый удар	25
12-ый удар	26
Заключение	27

2. Панорама с выносками

1 Природа природствующая и природа оприроденная	31
2 Выноска первая	32
3 Мечты пристыжают действительность	33
4 Уединение питает страсти	34
5 Выноска вторая	35
6 Темные улицы рожают темные чувства	36
7 Добрые чувства побеждают время и пространство	37
8 Выноска третья	39

3. Северный веер

1 Слоновой кости страус поет	43
2 Персидская сирень! — Двенадцатая ночь	—
3 О, завтрак, чок! о, завтрак, чок!	44
4 Невидимого шум мотора	—
5	45
6 На улице моторный фонарь	—
7 Двенадцать — вещее число	46

4. Пальцы дней

1 Понедельник	49
2 Вторник	50
3 Среда	51
4 Четверг	52
5 Пятница	—
6 Суббота	53
7 Воскресенье	54

5. Для Августа

1 Ты	57
2 Луна	58
3 А я	60
4 Тот	61
5 Ты (2-ое)	62
6 А я (2-ое)	—
7 Тот (2-ое)	64
8 Луна (2-ое)	—
9 Ты (3-е)	66
10 Все четверо. Апофеоз	—

6. Лазарь

1 Лазарь	71
2 Домик	72
3 Мицци и Марта	73
4 Эдит	75
5 Суд	76
6 Первый свидетель (слепорожденный)	79
7 Второй свидетель (хозяйка)	81
8 Третий свидетель (шкет)	84
9 Четвертый свидетель (сыщик)	86
10 После суда	87
11 Ночью	88
12 Посещение	90
13 Дом	92

2 РУБ. № 32 КОМ.

СКЛАД ИЗДАНИЙ: ГОСИЗДАТ РСФСР